

УДК 930

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (1929–1936 гг.)**

О.В. Метель

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается деятельность существовавшего с 1929 по 1936 г. Института истории Коммунистической академии. Привлекая архивные материалы и опубликованные источники, автор анализирует структуру этого учреждения, его кадровый состав и основные направления работы. Полученные результаты свидетельствуют о существенном воздействии на деятельность института общественно-политической ситуации в стране, определявшей механизмы организации научных исследований, их направление и тематику, подбор главных исполнителей. Причины ликвидации данного заведения трактуются автором двояко: с одной стороны, указывается на неэффективность сложившейся в Институте истории практики проведения научных исследований, с другой – подчёркивается изменение политики большевистского правительства, отказавшегося во второй половине 30-х годов от поддержки марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Ключевые слова: советская историография, Коммунистическая академия, советские историки, аспирантура, «культурная революция»

Период конца 10-х – первой половины 30-х годов XX в. стал для отечественной исторической науки временем серьёзных трансформаций, связанных с постепенным обретением ею нового марксистского облика. Его становление было обусловлено изменением теоретических и концептуальных основ данной дисциплины, её кадрового состава и институциональной структуры. В отношении последней политика большевистского правительства сводилась к постепенной замене дореволюционных центров производства и трансляции исторического знания новыми учреждениями, способными решить задачу перевода советской исторической науки на марксистские рельсы. Одним из таких учреждений должен был стать Институт истории, открывшийся в ноябре 1929 г. в стенах Коммунистической академии (далее – Комакадемии).

В рамках настоящей статьи на основании имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов мы попытаемся реконструировать историю данного марксистско-ленинского научно-исследовательского центра, обратившись к анализу его организационной структуры, кадрового состава и основных направлений работы.

Институт истории Коммунистической академии своим возникновением обязан событиям «культурной революции» в СССР, ознаменовавшим начало наступления марксистских сил на «буржуазную» науку. Основой нового исследовательского центра стал Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (далее – РАНИОН), прекративший своё самостоятельное существование под влиянием разгромной критики М.Н. Покровского и других руководителей исторической науки, обвинявших это учреждение в сохранении «буржуазных» специалистов, не желающих работать по-марксистски и способствующих «демарксизации» молодёжи [1, с. 118–119]. «...Какие бы мы старания ни употребляли, но Институт истории РАНИОНа не сделается органом той науки, которую мы единственно признаём наукой и по пути которой мы можем вести подрастающее поколение историков», – утверждал М.Н. Покровский (I, с. 3). Именно поэтому институт, призванный стать «центром научной работы СССР в области исторического знания», было решено открыть в Коммунистической академии, получившей в это время «монополию на руководство партийно-научной работой во всесоюзном масштабе» (II, с. 12). Остальные советские учреждения, так или иначе связанные с проведением исторических исследований (исторический сектор Академии наук, Общество историков-марксистов), по замыслу реформаторов, должны были выполнять преимущественно вспомогательные функции, координируя свою работу с новой структурой (III, IV).

Согласно Уставу во главе Института истории находилась Коллегия, состоявшая из десяти человек и возглавляемая директором. Первым директором института стал М.Н. Покровский, руководивший учреждением с 1929 по 1932 г., в дальнейшем, в 1932–1936 гг., этот пост занимал Н.М. Лукин. Члены Коллегии избирались Общим собранием института на три года и утверждались Президиумом академии. Именно Коллегия несла ответственность за организацию научно-исследовательской и учебной работы института, утверждая кадровые назначения, планы работ и отчёты об их выполнении. Общее собрание, созывавшееся не реже одного раза в полугодие, включало в себя всех научных сотрудников и аспирантов. Помимо выборов Коллегии, его полномочия были связаны с избранием новых членов и заслушиванием планов и отчётов о работе подразделений института.

В 1929–1931 гг. вся научно-исследовательская работа Института истории Коммунистической академии была сосредоточена в секциях, возглавляемых бюро из трёх – пяти человек. В основу организации секций был положен проблемный подход, предполагавший группировку исследователей вокруг изучения основных общественно-экономических формаций. Подобный подход, сломавший «нелепые рубрики Иловайского»¹ и преодолевший «эклектический академизм» структур РАНИОН, был, по мнению руководства института, более прогрессивным, отвечая новейшим тенденциям организации научных исследований не только в гуманитарных, но и в естественных науках (V, с. 23). Всего было образовано пять секций: истории пролетариата СССР, истории эпохи империализма, истории

---

¹ Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) – русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России», редактор и издатель газеты «Кремль».

эпохи промышленного капитализма, социологическая (переименована в дальнейшем в секцию докапиталистических формаций) и методологическая. Каждая из них, в свою очередь, состояла из различных групп и комиссий, ответственных за свой участок «исторического фронта»². Ни состав секций, ни их внутренняя структура не были постоянными, то и дело подвергались различным реорганизациям. Причина последних была банальна: нехватка квалифицированных специалистов, способных обеспечить качественное выполнение поставленных руководством исследовательских задач. Именно поэтому отдельные секции института или существовали лишь на бумаге (методологическая секция), или так и не развернули полноценную работу (секция докапиталистических формаций).

В 1932 г. на смену секциям пришли бригады, ставшие основными структурными единицами института. Обращение к бригадному методу работы было обусловлено Постановлением ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г., в котором переход к «коллективной проработке проблем с включением методов ударных бригад и социалистического соревнования» рассматривался как основной способ повышения продуктивности научной работы и ускорения её темпов (VI, л. 39). В Комакадемии было создано несколько бригад, объединённых вокруг изучения ряда актуальных исторических проблем: бригада по составлению сборника «Борьба международного пролетариата против интервенции», бригада по составлению сборника «Октябрь в национальных районах», бригада по разработке темы «Маркс, Энгельс, Ленин о докапиталистических формациях», бригада по популярному изданию документов эпохи империализма, бригада по составлению сборника «Промышленный переворот в России, САСШ³ и западноевропейских странах», бригада «Ленинская концепция капиталистического развития России эпохи промышленного капитализма (1861–1905 гг.)» (VII, л. 27). Наряду с ними, в 1932 г. в институте работали три комиссии, занимавшиеся исследованием истории фабрик и заводов, профсоюзного движения, архивной и библиографической деятельностью.

Работа названных бригад также оказалась неэффективной, поэтому в начале 1933 г. структура института вновь претерпела существенные трансформации: вместо бригад были созданы производственные группы, которые вскоре сменились исследовательскими секторами. Организация работы и в группах, и в секторах отражала стремление руководства института отойти от принципа универсализма в постановке исследовательских задач и сосредоточиться на изучении политически актуальных проблем новой и новейшей истории. В результате

---

² В составе секции по истории пролетариата СССР (заведующий – А.М. Панкратова, секретарь – О.Н. Чаадаева, всего 22 сотрудника) были образованы комиссия по монографическому изучению истории промышленных предприятий, группа по изучению истории крестьянских движений народов СССР. В секцию по истории эпохи империализма (заведующий – М.Н. Покровский, заместитель – Н.М. Лукин, секретарь – С.Е. Сеф, всего 19 сотрудников) входили следующие группы: по русской буржуазии в эпоху империализма, по фашизму, по германской социал-демократии, по изучению французского рабочего движения, по гражданской войне в России. Секция по истории промышленного капитализма (заведующий – Н.М. Лукин, заместитель – С.А. Пионтковский, секретарь – Р.А. Авербух, всего 17 сотрудников) включала в себя группы по германской социал-демократии, изучению французского рабочего движения и русской буржуазии. В секцию докапиталистических формаций (заведующий – А.Д. Удальцов, секретарь – М.П. Жаков, всего 17 сотрудников) входили группы доклассового общества, античного общества и по изучению феодализма. Что касается методологической секции, то она так и не начала полноценной работы.

³ САСШ – Северо-Американские Соединённые Штаты.

к концу 1933 г. в институте работали секторы по истории СССР, пролетариата, промышленного капитализма и довоенного империализма, мировой войны и послевоенного империализма (VIII, л. 2). В апреле 1934 г. к ним добавилась комиссия по преподаванию истории, созданная под руководством А.М. Панкратовой для «разработки теоретических и практических вопросов преподавания истории как в средней школе СССР, так и в вузах» (IX, с. 135). Открытие данной структуры вполне укладывалось в новый курс образовательной политики советской власти, связанный с пересмотром образовательных программ с целью возврата к преподаванию в средних и высших учебных заведениях страны «гражданской истории в живой занимательной форме» (X).

Наряду с научно-исследовательскими подразделениями, в Институте истории были созданы вспомогательные структуры: кабинеты, обеспечивающие исследователей информацией справочного характера; редакционно-издательские группы, ответственные за выпуск академических изданий; группы библиотекарей. Работа многих из них, в частности сети кабинетов, которые должны были открыться при секциях, в силу нехватки материальных ресурсов так и не была развёрнута в полную силу.

В первые годы деятельности института все его сотрудники, занимавшиеся научной работой, делились на несколько основных групп: действительные члены, осуществлявшие, в соответствии с принятым Уставом, самостоятельные научные исследования; старшие научные сотрудники, занимавшиеся научной работой под руководством действительных членов или Коллегии института; младшие научные сотрудники и учёные специалисты, выполнявшие, скорее, вспомогательные функции (XI, л. 11–12)⁴. В дальнейшем эта структура претерпела некоторые трансформации, связанные с исчезновением должностей действительных членов и изменением роли и статуса старших научных сотрудников, которые получили право проведения самостоятельных научных изысканий.

Количественный состав сотрудников института, вопреки производственным пятилетним планам, предусматривавшим неуклонный рост персонала⁵, менялся медленно: в 1931 г. в Институте истории работало 37 исследователей, а в 1933 г. – 43 (XVI, л. 52; XVII, л. 1 об.). Сокращение численности специалистов до 27 человек произошло в декабре 1935 г., незадолго до закрытия Ком-академии. Вместе с тем относительная количественная стабильность отнюдь не означала постоянства кадрового состава. Стремление партийного и академического руководства к коммунизации института приводило к постоянным чисткам сотрудников, из числа которых исключались «чуждые» элементы. Наиболее крупные чистки прошли в институте в 1931–1932 и в 1935 гг. После первой из его составов были исключены «люди, которые в своей работе извращали историю нашей партии, протаскивали в историческую науку контрабандным путём идеи контрреволюционного троцкизма, проявляли в своей работе гнилой либерализм»,

⁴ В некоторых архивных документах встречается иное обозначение должностей: «научный сотрудник I разряда» и «научный сотрудник II разряда» (XII, л. 39–46).

⁵ Согласно первым принятым планам работы Коммунистической академии в 1930/1931 гг. в Институте истории должны были вести исследования 72 научных сотрудника, в 1931/1932 гг. – 80 чел., в 1932/1933 гг. – 90 чел. (по другим данным – 115 чел.), в 1934 г. – 140 чел., в 1935 г. – 165 чел., в 1936 г. – 190 чел. Любопытно, что в последующих плановых документах цифры уже гораздо скромнее: в 1933 г. в стенах института должны были трудиться 32 учёных, в 1934 г. – 40, в 1935 г. – 47, в 1936 г. – 54, в 1937 г. – 60 (XIII, л. 1; XIV, л. 23; XV, л. 1).

а также «лица, совершенно не работавшие или плохо работавшие в Институте» (XVIII, с. 190). Любопытно, что среди таковых, в частности, оказались многие бывшие сотрудники Института истории РАНИОН, на смену которым пришли молодые марксистские кадры – недавние выпускники советских учебных заведений, не имеющие достаточного опыта научной работы. В 1935 г. из учреждения были исключены «политически чуждые и вредные элементы», в том числе и из состава дирекции (XIX). Крупные чистки дополнялись регулярной сменой кадров, доказательством которой может служить тот факт, что в 1935 г. большинство учёных института работало в данной организации менее года и лишь четверо входили в её состав с момента основания (Н.М. Лукин, О.Н. Чаадаева, А.М. Панкратова и Р.А. Авербух).

Социальный облик сотрудников Института истории отличался известной однородностью: большинство представителей данной структуры были выходцами из семей служащих, имели высшее или незаконченное высшее образование и состояли в ВКП(б), перейдя в её ряды в том числе из других партий. Так, по данным на 1930–1931 гг. в составе института работали 18 членов ВКП(б) и 19 беспартийных, при этом 24 человека были выходцами из семей служащих, двое – из крестьян и двое – из семей представителей свободных профессий, а также по одному выходцу из рабочих, помещиков и офицерства. Высшее образование имели 26 сотрудников, среднее (в это число входили также выпускники Института красной профессуры) – 9, низшее – 1 (XVI, л. 52–53). В 1933 г. численность научных сотрудников-членов ВКП(б) составляла 17 человек (беспартийными оставались 6 человек, один являлся членом ВЛКСМ) (XX, л. 3).

На протяжении всей истории существования института в его состав входили как штатные сотрудники, для которых он являлся основным местом работы, так и внештатные специалисты, проводившие свои исследования в рамках особых договоров (или без оплаты труда). Немаловажная особенность в этой связи заключается в том, что вклад в разработку исследуемых проблем со стороны внештатных сотрудников не уступал усилиям штатных, а нередко даже превосходил их. Так, по данным на 1930–1931 гг. половина научной работы приходилась именно на внештатных специалистов, тогда как часть штатных работников или вовсе не имела научных заданий, или они были крайне нечётко сформулированы (XXI, л. 7). Подобная ситуация усугублялась ещё и тем, что многие штатные сотрудники института трудились в других научно-исследовательских и образовательных учреждениях, одновременно совмещая несколько должностей и выполняя партийные поручения, что, безусловно, не могло не отражаться на продуктивности и качестве научной работы.

В то же время нельзя не отметить, что деятельность членов института была строго регламентирована. В основе работы каждого специалиста, как и всего учреждения в целом, лежал план, составляемый руководителями низовых структур (секций, бригад или секторов) и утверждаемый руководством института и органами управления Комакадемией. По принимаемым документам каждый сотрудник должен был представить годовую «норму выработки» научной продукции, равнявшуюся в 1931 г. 8 печатным листам монографии или 80 единицам научной продукции, приравненным к этому объёму, а в 1935 г. – 4–8 печатным листам научного текста (для младших научных сотрудников и вспомогательных

работников вводился научно-технический минимум, предполагавший овладение иностранными языками, сдачу зачёта по специальности и подготовку не менее двух рецензий) (XXII, л. 11 а; XXIII). Отметим, что регламентации подлежал не только «готовый продукт», но и процедуры, связанные с его производством. К примеру, в 1931 г. научный сотрудник должен был создавать 0.5 печатного листа научного текста в день, его норма чтения составляла 125 печатных листов в месяц, а норма обработки архивных материалов – 50–150 листов в день (XXIV, л. 6). К 1935 г. на смену названным цифрам пришла единая норма ежедневной работы сотрудника в кабинете при библиотеке Комакадемии: для старших научных сотрудников – 4 часа, а для младших – 6 часов (XXIII, с. 135). Все эти меры, впрочем, так и не смогли обеспечить желаемого результата: производственные планы неизменно срывались, а намеченные работы либо отменялись, либо переносились на следующий год. Например, согласно сводному отчёту о выполнении плана за 1933 г. из 26 заявленных научных работ ни одна не вышла из печати: две из них были сданы в набор, одиннадцать находились на редактировании, три не были представлены авторами, шесть сняты с плана, а четыре перенесены на 1934 г. (XXV, л. 4).

В 1929–1932 гг. основными направлениями работы Института истории Коммунистической академии являлись проведение научных исследований и подготовка аспирантов. Что касается научных изысканий, то первоначально академия должна была вести исследования по всем областям исторической науки, разрабатывая как конкретно-исторические сюжеты, так и проблемы теоретико-методологического характера. В результате сотрудники института сначала работали над широким спектром вопросов, включавшим в себя проблемы истории древней и средневековой (происхождение человека, возникновение религии, история феодализма, крестьянские движения в средневековой Европе, генезис капитализма и др.), новой и новейшей (рабочее движение в России и на Западе, немецкая социал-демократия, мировая война, Октябрьская революция и др.), а также отдельные аспекты марксистско-ленинского учения в его приложении к объяснению исторического процесса (К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин о докапиталистических формациях, критика учений Г.В. Плеханова, Р. Люксембург, К. Каутского и др.). Результаты этих исследований оказались весьма скромны: в отношении большинства тем были лишь намечены общие планы работ или представлены «сырые» доклады, требующие существенной доработки.

Не вполне удачной оказалась и учебная деятельность Института истории Коммунистической академии, связанная в 1929–1931 гг. с подготовкой будущих историков-исследователей через систему аспирантуры. Сама идея организации аспирантуры в стенах Комакадемии была обязана своим возникновением «культурной революции», идеологи которой рассчитывали на быструю коммунизацию научных кадров в стенах марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (недаром в 1930–1932 гг. в состав Комакадемии вошли структуры Институты красной профессуры). С этой целью одним из основных условий поступления в аспирантуру «комакадемических» институтов, в том числе Института истории, являлось наличие пятилетнего партийного стажа у соискателей (XXVI, с. 1).

Работа аспирантов Института истории Комкадемии была организована в таких учебных секциях, как история империализма, промышленного капитализма, докапиталистических формаций и методологическая. Продолжительность обучения составляла три года и предполагала освоение довольно широкой программы, включавшей в себя общую теоретическую подготовку в области марксизма, изучение специальных предметов, занятия по иностранным языкам, прохождение педагогической и производственной практики, участие в научно-исследовательской работе института и, наконец, написание диссертации. Причём наибольшее внимание, согласно учебному плану, уделялось «непосредственной академической работе», которая поглощала 40% времени аспиранта, тогда как подготовке диссертации отводилось около 3% времени в последний год обучения (XXVII, л. 2).

Основной формой учебной работы аспирантов, вполне соответствующей духу времени, являлись семинары, представлявшие в глазах руководства наилучший способ *коллективной* проработки материала. Большинство семинарских занятий предполагало самостоятельное изучение аспирантами в отведённое время (чуть более двух месяцев) заявленных тем и последующее обсуждение с преподавателем полученных результатов. На практике, однако, реализация подобной схемы была связана с немалыми трудностями, приводившими к постоянным срывам графиков выполнения учебных планов. Виной тому были как сами преподаватели и аспиранты, не располагавшие, в силу загруженности дополнительными обязанностями, достаточным количеством времени для полноценной учебной деятельности, так и руководство института, неоднократно менявшее в ходе учебного года рабочие программы. В итоге, по справедливому замечанию Э.И. Колчинского, к 1932 г. бесперспективность подобной «кавалерийской атаки» на аспирантуру стала вполне очевидна для всех, в том числе и для партийного руководства, отказавшегося от подобного эксперимента и ликвидировавшего аспирантуру при Комкадемии [2, с. 658].

Став исключительно научно-исследовательским центром, Институт истории Коммунистической академии в 1933 г. вступил в новый этап своего развития. В этот период, во-первых, изменилась его организационная структура, а во-вторых, значительно сузились исследовательские задачи, которые отныне ограничивались изучением политически актуальных сюжетов отечественной и зарубежной истории XIX – XX вв. (история рабочего движения, мировой войны и др.). Подобный переход, на наш взгляд, отчасти был вызван провалом «универсалистской линии», не принесшей институту сколько-нибудь ощутимых научных результатов, а отчасти диктовался соображениями конъюнктурного порядка, связанными с приспособлением к меняющемуся курсу партии, заинтересованной в изучении наиболее актуальных тем. В то же время сотрудники института должны были уделять значительное внимание массовой работе, а именно проведению лекций для преподавателей средних учебных заведений, на предприятиях и по запросам с мест, а также постановке научно-исследовательских докладов для широкой общественности (XXVIII, с. 158–159).

Однако и этот этап работы института продолжался недолго. В 1934 г. в связи с очередным колебанием партийного курса, связанным с возвратом к преподаванию гражданской истории, в центре внимания историков Комкадемии оказалась

подготовка учебной литературы и разработка вопросов преподавания исторических дисциплин (хотя отдельные исследовательские проблемы в области новой и новейшей истории были обозначены в годовых планах). В результате за указанный период сотрудниками института были созданы учебники для средней школы по новой истории под редакцией Н.М. Лукина и по истории СССР под редакцией Н.Н. Ванага, подвергшиеся, впрочем, разгромной критике со стороны высшего партийного руководства (XXIX).

История института, как и история Коммунистической академии в целом, закончилась в феврале 1936 г., когда вышло Постановление о ликвидации данного исследовательского центра, предполагавшее его слияние с Историко-археографическим институтом Академии наук и образование нового учреждения – Института истории АН СССР (XXX, с. 216–224). Причины подобного решения так и не были до конца исследованы в историографии, уделявшей сравнительно мало внимания проблеме «несостоявшейся гегемонии» комакадемических структур [3, р. 193]. Самым очевидным объяснением ликвидации институтов Коммунистической академии может стать указание на неэффективность её работы, что, как мы убедились, вполне подтверждается источниками: чрезвычайно расширив свою деятельность на волне «культурной революции», академия оказалась не готова к выполнению возложенных на неё обязанностей, то и дело срывала производственные планы. Виной тому и завышенные показатели, принимаемые на фоне широкого распространения «штурмовщины», и неэффективные методы организации научных работ, не учитывающие специфику исследовательской деятельности, и недостаточная квалификация многих рядовых сотрудников, сделавших карьеру благодаря практике выдвигенчества. Соглашаясь со справедливостью подобных положений, мы, однако, хотели бы предостеречь читателя от ложного вывода о замене данной структуры, признанной неэффективной, на другую, организованную более рационально. Как показывает даже беглое знакомство с историей Института истории АН СССР, многие механизмы деятельности Коммунистической академии были воспроизведены и в новом учреждении. Более того, сам план работы созданного исторического центра в довоенный период, вопреки мнению Г.Д. Алексеевой [4, с. 44], продолжал, скорее, линию Комакадемии, ориентируясь на решение актуальной задачи – подготовку учебной литературы. Наконец, кадровый состав, хотя и подвергшийся чисткам, указывает на существенную преемственность между институтами.

В свете сказанного мы полагаем, что проблема ликвидации Коммунистической академии не может быть решена только в плоскости размышлений о её эффективности. Свою роль должен был сыграть и общий фактор изменения научной политики большевистского правительства, отказавшегося во второй половине 30-х годов XX в. от союза с «красными профессорами» и поддержки марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Впрочем, названные проблемы, на наш взгляд, требуют дальнейшей разработки, связанной с изучением институционального оформления советской исторической науки и политики большевистского правительства в данной области.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 16-01-50040).

Источники

- I – *Покровский М.Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. – 1929. – № 14. – С. 3–12.
- II – *Покровский М.Н.* О деятельности Коммунистической Академии // Вестн. Коммунист. акад. – 1927. – Кн. 22. – С. 5–18.
- III – Протокол заседания коммунистической фракции совета общества историков-марксистов от 11 марта 1929 г. // Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. Ф. 147. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
- IV – Положение о взаимоотношениях общества историков-марксистов и Института истории Ком. Академии // Арх. Рос. акад. наук (АРАН). Ф. 359. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–6.
- V – Пленум Коммунистической академии при ЦИК СССР 17 июня 1930 г. // Вестн. Коммунист. акад. – 1930. – № 39. – С. 14–91.
- VI – Материалы к обзору деятельности Комакадемии за 1918–1935 гг. // АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1063. Л. 1–116.
- VII – О работе Института истории Коммунистической академии (за 1932 год) // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 174. Л. 27–30.
- VIII – Статистический отчёт о работе Института истории Комакадемии за 1933 г. // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–2.
- IX – В Институте истории Коммунистической академии // Историк-марксист. – 1934. – № 3. – С. 135–136.
- X – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Собрание законодательства. – 1934. – № 26. – Ст. 206.
- XI – Устав Института истории Коммунистической академии // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–13.
- XII – Списки сотрудников Института истории Комакадемии с краткими биографическими сведениями // АРАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 15. Л. 1–51.
- XIII – Сведения Института истории Комакадемии к пятилетнему плану научных учреждений Комакадемии на 1928/1929 – 1932/1933 гг. // АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–3.
- XIV – План научно-исследовательской работы Института истории Комакадемии на 1932 г. и материалы к нему // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–105.
- XV – Штатное расписание Института истории Комакадемии на 2-ю пятилетку (1933–1937 гг.) // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 238. Л. 1–4.
- XVI – Протоколы заседаний Комиссии по проверке работы научных сотрудников Института истории Комакадемии и материалы к ним // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–57.
- XVII – Статистический отчёт Института истории Комакадемии за 1932 г. (форма № Д-1), сведения по труду // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–12.
- XVIII – О работе института истории за первое полугодие 1932 г. // Историк-марксист. – 1932. – № 3. – С. 190–195.
- XIX – *А.М.* В Институте истории Коммунистической академии // Историк-марксист. – 1935. – № 10. – С. 164.
- XX. – Статистические сведения по учёту кадров Института истории Комакадемии на 1933 г. (формы № 2, 3) // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 239. Л. 1–35.
- XXI – Предварительные выводы месткома Комакадемии по обследованию деятельности Института истории Комакадемии за 1929/1930 гг. и материалы к ним (план работы Института на 1929/30 гг., отчёт о работе с 01.10.1929 г. по 10.03.1930 гг., отчёты секций) // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–53.

- XXII – Докладная записка Ванага Н.Н. в Президиум Комакадемии о работе Института истории Комакадемии за 1929–1933 гг. // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 233. Л. 1–15.
- XXIII – В Институте истории Коммунистической академии // Историк-марксист. – 1935. – № 11. – С. 134–135.
- XXIV – Протоколы заседаний Комиссии по выработке форм и методов учёта работы научных сотрудников Института истории Комакадемии и материалы к ним // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–18.
- XXV – Отчёт о научно-исследовательской работе Института истории Комакадемии за 1933 г. и материалы к нему // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–70.
- XXVI – Условия приёма аспирантов в Коммунистическую академию при ЦИК СССР. – М.: Изд-во Коммунист. акад., 1930. – 14 с.
- XXVII – Анкеты аспирантов Института истории Комакадемии со сведениями о распределении времени на научно-исследовательскую, педагогическую, учебную и общественную работу // АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–61.
- XXIII – В Институте истории Коммунистической академии // Историк-марксист. – 1934. – № 4. – С. 157–159.
- XXIX – Дроздов П. Решение партии и правительства об учебниках по истории и задачи советских историков // Историк-марксист. – 1936. – № 1. – С. 9–22.
- XXX – О ликвидации Коммунистической академии (Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР) // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991 / Сост. В.Д. Есаков. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1: 1922–1952. – 590 с.

Литература

1. *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). – М.: Мысль, 1968. – 197 с.
2. *Колчинский Э. И.* «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932 гг.) // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Под ред. Э.И. Колчинского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 577–664.
3. *David-Fox M.* Revolution of the mind: higher learning among the Bolsheviks, 1918–1929. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1997. – 298 p.
4. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1985. – Т. 5. – 605 с.

Поступила в редакцию
12.08.16

Метель Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55 А, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: olgametel@yandex.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 6, pp. 1522–1532

The Institute of History of the Communist Academy (1929–1936)*O.V. Metel**Omsk State University, Omsk, 644077 Russia**E-mail: olgametel@yandex.ru*

Received August 12, 2016

Abstract

The paper considers the activities of the Institute of History of the Communist Academy (1929–1936). The issue under study seems relevant, because it has still been insufficiently investigated in Russian and foreign historiography. However, the history of the Institute favors a better understanding of the evolution of educational and scientific policy in the Soviet state during the 1920s–1930s.

The main purpose of this paper is to analyze the mechanisms of functioning of the Institute of History of the Communist Academy, as well as to identify their main features based on the principles of sociology of science according to which every academic institution must be considered not as a mere “outer shell”, but as an important factor of new knowledge development.

The investigation is based on extensive archival material with the involvement of published sources (analytical papers, data on the activities of the Institute, etc.). Thematically, the paper is divided into three main blocks related to the study of the structure of the Institute, its staff, and main directions of activity.

The main conclusion that has been made in the course of the study is that the Institute could not become the major center of Soviet historical science, because it failed to take into account the organization and carrying out scientific work: high targets, very tight deadlines for their achievement, numerous additional duties performed by scientists. At the same time, it has been revealed that the Bolshevik line changed in the late 1930s, which resulted in the gradual vanishing of the Marxist-Leninist academic institutions.

The obtained results are important for Russian historiography, because they provide new information for studying the process of institutionalization of the Soviet historical science.

Keywords: Soviet historiography, Communist Academy, Soviet historians, postgraduate school, “cultural revolution”

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation (project no. 16-01-50040).

⟨ *Для цитирования:* Метель О.В. Институт истории Коммунистической академии (1929–1936 гг.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 6. – С. 1522–1532. ⟩

⟨ *For citation:* Metel O.V. The Institute of History of the Communist Academy (1929–1936). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1522–1532. (In Russian) ⟩